

ПАНТОНОМИЯ: К НОВОЙ ОНТОЛОГИИ СОЦИАЛЬНОГО В УСЛОВИЯХ РАДИКАЛЬНОЙ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ

А. В. Марков

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
e-mail: markovius@gmail.com

О. А. Штайн

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия
e-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. Социальные и политические науки Нового и Новейшего времени были воздвигнуты на фундаменте бинарной оппозиции «автономия – гетерономия», которая в настоящее время переживает глубокий кризис. Теоретические вызовы, брошенные постструктурализмом, спекулятивным реализмом и акторно-сетевой теорией, выявили неадекватность этой модели для описания реальности, характеризуемой распределенной агентностью, нелинейной причинностью и радикальной взаимозависимостью человеческого и нечеловеческого.

Целью статьи является реабилитация и радикальное переосмысление концепта «пантономия», введенного Хосе Ортегой-и-Гассетом, в качестве ключевого понятия для новой онтологии социального. Задача исследования – продемонстрировать эвристический потенциал пантономии для анализа современных вызовов, таких как климатический кризис, цифровизация и биополитика. Основным методом исследования выступила философская реконструкция и теоретический синтез, позволивший интегрировать идеи Ортеги-и-Гассета с достижениями современной пост-антропоцентрической философии.

Основные результаты заключаются в разработке трехмерной модели пантономии как процесса совместного творчества правил бытия (номоса): 1) в онтологическом измерении пантономия описывает взаимное конституирование агента и его обстоятельств; 2) в политическом – понимает учредительную власть как перманентный и распределенный процесс; 3) в этическом – утверждает ответственность, в которой выявлен такой аспект, как отзывчивость, проистекающая из со-участия в сетях взаимозависимости.

Новизна исследования состоит в диалектическом снятии концепции аутопойэзиса (Матурана, Варела, Луман) в пантономии, что позволяет преодолеть ее «слепое пятно» – проблему солипсизма системы – и описать социальное как самовоспроизводство связи, а не единства. Практическая значимость работы связана с разработкой нового концептуального аппарата для социальных и политических наук, а также с проектированием институтов, способных работать со сложностью, а не упрощать ее.

Направления дальнейших исследований на основе данной работы подразумевают разработку пантономической методологии для социальных наук, фокусирующейся на трассировке процессов со-творчества в конкретных сборках; изучение не-западных генеалогий пантономии в философских традициях, изначально ориентированных на холизм и взаимосвязь; а также проектирование пантономических институтов, способных работать со сложностью, а не упрощать ее.

Ключевые слова: пантономия, автономия, гетерономия, Ортега-и-Гассет, аутопойэзис, акторно-сетевая теория, спекулятивный реализм, гиперобъекты, учредительная власть, ответственность.

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. Пантономия: к новой онтологии социального в условиях радикальной взаимозависимости // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2026. – № 2. – С. 116–126. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-2-116>.

Original article

PANTONOMY: TOWARDS A NEW ONTOLOGY OF THE SOCIAL IN THE CONTEXT OF RADICAL INTERDEPENDENCE

A. V. Markov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

e-mail: markovius@gmail.com

O. A. Shtayn

Ural Federal University named after the First of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Abstract. *The social and political sciences of the Modern era and modernity were built on the foundation of the binary opposition «autonomy – heteronomy», which is currently undergoing a deep crisis. Theoretical challenges posed by poststructuralism, speculative realism, and actor-network theory have revealed the inadequacy of this model for describing a reality characterized by distributed agency, non-linear causality, and the radical interdependence of the human and non-human.*

The aim of the article is to rehabilitate and radically reinterpret the concept of «pantonomy», introduced by José Ortega y Gasset, as a key concept for a new ontology of the social. The task of the research is to demonstrate the heuristic potential of pantonomy for analyzing contemporary challenges such as the climate crisis, digitalization, and biopolitics. The main method of the research was philosophical reconstruction and theoretical synthesis, which allowed for the integration of Ortega y Gasset's ideas with the achievements of contemporary post-anthropocentric philosophy.

The main results lie in the development of a three-dimensional model of pantonomy as a process of co-creation of the rules of being (nomos): 1) in the ontological dimension, pantonomy describes the mutual constitution of the agent and its circumstances; 2) in the political dimension, it understands constituent power as a permanent and distributed process; 3) in the ethical dimension, it asserts responsibility as responsiveness stemming from co-participation in networks of interdependence.

The novelty of the research consists in the dialectical sublation of the concept of autopoiesis (Maturana, Varela, Luhmann) within pantonomy, which makes it possible to overcome its «blind spot» – the problem of the solipsism of the system – and to describe the social as the self-reproduction of connection, not unity. The practical significance of the work is related to the development of a new conceptual apparatus for the social and political sciences, as well as to the design of institutions capable of working with complexity rather than simplifying it.

Directions for further research based on this work imply the development of a pantonomic methodology for the social sciences, focusing on tracing the processes of co-creation in specific assemblages; the study of non-Western genealogies of pantonomy in philosophical traditions initially oriented towards holism and interconnectedness; as well as the design of pantonomic institutions capable of working with complexity rather than simplifying it.

Key words: *pantonomy, autonomy, heteronomy, Ortega y Gasset, autopoiesis, actor-network theory, speculative realism, hyperobjects, constituent power, responsibility.*

Cite as: Markov A. V., Shtayn, O. A. (2026) [Pantonomy: towards a new ontology of the social in the context of radical interdependence]. *Intellekt. Innovacii. Investicii* [Intellect. Innovations. Investments]. Vol. 2, pp. 116–126. – <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2026-2-116>.

Введение

Социальные и политические науки Нового и Новейшего времени были воздвигнуты на фундаменте ряда принимаемых сразу бинарных оппозиций, среди которых дихотомия автономии и гетерономии занимает одно из центральных мест. От кантовского проекта Просвещения, провозглашавшего способность человека выходить из состояния несовершеннолетия по собственной воле [6], до хабермасовской теории ком-

муникативного действия [20], от руссоистской общей воли [16] до справедливости по Ролзу [15] – идеал суверенного, самоопределяющегося субъекта, освобождающегося от оков внешнего принуждения (гетерономии), оставался не только регулятивной идеей, но и методологическим допущением.

Однако к концу XX века этот каркас начал давать трещины. Постструктуралистская мысль (М. Фуко [18; 19], Ж. Деррида [4; 24], Ж. Делёз [3]) подвергла

радикальной деконструкции саму идею целостного, самоидентифицируемого субъекта, показав его конституируемость через дискурсивные практики, языковые структуры и отношения власти. Спекулятивный реализм и «темные онтологии» (К. Мейясу [10], Г. Харман [22], Т. Мортон [11]) пошли еще дальше, оспорив антропоцентрическую монополию на реальность, указав на независимое и зачастую «странное» существование нечеловеческих акторов [21]. Акторно-сетевая теория (Б. Латур [7], М. Каллон [5], Дж. Ло [9]) предложила рассматривать социальное не как сферу, но как движение, производимое гетерогенными сетями человеческих и нечеловеческих деятелей.

В этом новом теоретическом ландшафте старая оппозиция «автономия-гетерономия» не просто утрачивает объяснительную силу, но и становится источником концептуальных помех. Она заставляет нас видеть либо суверенных индивидов, либо детерминированных марионеток, тогда как реальность, с которой мы сталкиваемся – будь то алгоритмическое управление, климатические изменения или пандемии – представляет собой нечто третье: сложную, распределенную систему взаимовлияний, где агентность рассеяна, а причинность нелинейна.

Цель данной статьи – предложить и теоретически обосновать пантономию в качестве ключевого понятия, способного адекватно описать эту новую онтологическую ситуацию. Мы не просто реабилитируем исторический термин Ортеги-и-Гассета, что уже сделано применительно к социологии [2], экологии [31] и феноменологии [22], но и радикально переосмысливаем его, опираясь на современный философский инструментарий. Наша гипотеза заключается в том, что пантономия представляет собой не синтез или «золотую середину» между автономией и гетерономией, а качественно иной онтологический режим (что-то близкое квантовой социологии К. Барад [25]), характеризующийся со-творчеством правил бытия между агентом и его/ее/их сложносоставными обстоятельствами.

Статья структурирована следующим образом: в первом разделе проводится историко-философская реконструкция понятия у Ортеги-и-Гассета [13; 14]. Во втором – анализируются теоретические вызовы, сделавшие старую бинарную оппозицию несостоятельной. В третьем разделе предлагается развернутая концептуализация пантономии в ее современном прочтении. В четвертом разделе развивается концепция Матураны и Варелы [28] в отношении пантономии. В пятом – демонстрируется эвристический потенциал пантономии для социальных и политических наук (в смысле Ш. Муффа [29]) на конкретных примерах. В заключении подводятся итоги и намечаются перспективы дальнейших исследований.

Ортега-и-Гассет: забытые истоки пантономического проекта

Хосе Ортега-и-Гассет ввел понятие «пантономия» в 1930-х годах в контексте своего анализа «восстания масс» и кризиса европейской рациональности. Хотя он не разработал его в виде систематической теории, концепт был органично встроен в его фундаментальную онтологию, выраженную в знаменитой формуле: «Я – это я и мои обстоятельства, и если я не спасаю их, я не спасаю себя» [13, с. 65]. Уже здесь содержится зерно пантономии: субъект («я») и мир («обстоятельства») нераздельны; спасение, творчество, бытие – всегда являются результатом их совместного усилия.

Для Ортеги-и-Гассета пантономия [14] возникала в исторические моменты кризиса традиционных, гетерономных устоев, когда человек более не мог опереться на готовые положения, но еще не обрел почву под ногами в виде новой, прочной автономии. Это состояние «потери корней» и «тотальной ответственности», когда индивид вынужден изобретать закон (номос) для себя, но делать это не в вакууме, а в плотном и сопротивляющемся материале собственных жизненных обстоятельств. Номос, таким образом, творится не изнутри (авто-номия) и не извне (гетеро-номия), а повсюду (пан-номия) – в самой ткани взаимоотношений «я» и мира.

Ортега-и-Гассет предвосхитил многие интуиции позднейшей философии. Его «обстоятельства» – это не пассивный фон, а активный со-участник становления субъекта, что перекликается с идеей «акторов» в АСТ [7]. Его историзм и отказ от абстрактного рационализма резонируют с постструктуралистской критикой метанарративов. Однако, будучи интеллектуалом своей эпохи, Ортега-и-Гассет все же оставался в рамках преимущественно гуманистической и отчасти феноменологической [24] парадигмы. Его «я» было еще слишком цельным, а «обстоятельства» – слишком человеческими. Задача настоящего момента – вывести концепт пантономии за эти рамки, подвергнув его «онтологическому повороту».

Кризис прежней модели: почему оппозиция «автономия vs гетерономия» перестала работать

Классическая модель предполагает, что автономия и гетерономия находятся на двух полюсах одной оси. Прогресс мыслится как движение от гетерономии к автономии. Однако ряд теоретических разработок второй половины XX века показал, что эти полюса не просто недостижимы – они являются фикциями.

Вызов постструктурализма. Мишель Фуко продемонстрировал, что власть в современных обществах функционирует не столько через прямое принуждение (гетерономия), сколько через производство «сво-

бодных» субъектов, которые интериоризируют нормы и сами начинают их воспроизводить как свои собственные [17; 18]. Это не автономия и не гетерономия, а специфическая технология власти, производящая субъективность. Жак Деррида, в свою очередь, показал, что любой закон (номос) содержит в себе апорию: он учреждается актом силы, который сам по себе находится вне закона, и потому никогда не является ни полностью внешним, ни полностью внутренним [26].

Вызов спекулятивного реализма и «темных» онтологий. Тимоти Мортон вводит понятие гиперобъектов – объектов, столь масштабных во временном и пространственном измерении (глобальное потепление, пластик в океане, ядерные отходы), что мы не можем воспринять их непосредственно, но при этом находимся внутри них [11]. Гиперобъект – это не внешний гетерономный закон, которому мы подчиняемся. Мы сами являемся его частью, мы его со-производим, и он, в свою очередь, трансформирует нас и наши условия существования. Это радикально пантономическая ситуация: мы со-творили правила системы (номос индустриальной цивилизации), которая теперь диктует нам новые правила, и мы вынуждены вместе с ней со-творять правила выживания.

Вызов акторно-сетевой теории. АСТ предлагает плоскую онтологию, в которой нет априорного разделения на активных людей и пассивные вещи. Алгоритм, микроб, юридический документ, ученый – все они являются деятелями (актантами, *actants*), способными оказывать влияние, модифицировать траектории других деятелей и, следовательно, участвовать в производстве ассоциаций, которые мы называем «социальным» [7]. В такой сети бессмысленно искать «автономного» субъекта, так как любое его действие опосредовано и преобразовано множеством нечеловеческих посредников. Но и о «гетерономии» говорить не приходится, ибо сама сеть не имеет центра управления; она является результатом локальных, распределенных взаимодействий.

Таким образом, теоретический ландшафт современности требует онтологии, способной учесть распределенную агентность, нелинейную причинность и радикальную взаимозависимость. Предлагаемая пантономическая онтология совершает двойной ход. Во-первых, она отвергает метафизику субстанций – представление о заранее данных сущностях (субъект, объект), которые лишь вступают во внешние взаимодействия. Во-вторых, она предлагает вместо этого метафизику отношений и событий: агенты и их «обстоятельства» возникают не до, а в самом акте со-бытийного взаимодействия. Это не означает растворения субъекта, но означает признание его реляционной, процессуальной природы. Именно это позволяет

преодолеть тупик бинарности: перед нами не выбор между предзаданным «я» и предзаданной «средой», а единый процесс их взаимного, со-бытийного порождения – творения общего номоса бытия-вместе.

Пантономия как онтологический и этический принцип: современное прочтение

Переосмысленная пантономия – это не состояние, а процесс: процесс пантономизации. Это непрерывная практика совместного учреждения и переучреждения номоса в мире-сплетении (*entangled world*) по Ноэ [12; 30], где больше нет онтологически привилегированных позиций. Данный процесс раскрывается через три взаимосвязанных измерения: онтологическое, политическое и этическое.

Онтологическое измерение: агентность как со-бытийное отношение. Классическая метафизика, стоящая за бинарной парой «автономия-гетерономия», предполагает предсуществование сущностей: сначала есть суверенный субъект, а потом – мир объектов, которым он либо подчиняется, либо которые подчиняет себе. Пантономия радикально оспаривает эту последовательность. Она предлагает онтологию взаимного конституирования (*mutual constitution*), в которой «я» и «обстоятельства» возникают одновременно и лишь в акте своего взаимодействия.

В этом ключе агентность понимается не как имманентное свойство человеческого индивида (способность к интенциональному действию), а как эмерджентный эффект, порождаемый в конкретных сборках (*assemblages*). Сборка – это временная, динамичная и гетерогенная сеть, объединяющая человеческие тела, технологии, дискурсы, аффекты, институты и нечеловеческих акторов. Агентность, таким образом, всегда распределена, гибридна и ситуативна. Рассмотрим ученого в лаборатории. Его способность «открыть новое» является не продуктом его чистой автономной мысли, а результатом сложной сборки (в смысле Латура), включающей в себя: откалиброванные приборы, реагенты с определенными свойствами, коллег-исследователей, финансирующие организации с их приоритетами, сложившиеся парадигмы и даже бактерии или вирусы, которые могут вести себя непредсказуемо. Ученый, прибор и микроорганизм совместно производят «открытие»; номос научного знания творится в самой этой сборке. Это и есть пантономия в ее онтологическом аспекте: закон творится не ученым и не прибором по отдельности, а их со-бытием.

Этот подход позволяет избежать как ловушки наивного гуманизма (все от человека), так и ловушки детерминизма (все от структур или технологий). Мы имеем дело с агентностью-во-взаимности, где ни один элемент не обладает абсолютным контролем, но каждый

вносит свой преобразующий вклад в общую динамику. Онтология пантономии – это онтология становления, а не бытия; процессуальная онтология, где реальность постоянно «достигается» в актах взаимодействия.

Политическое измерение: перманентная учредительная власть сборок. Классическая политическая теория оперирует моделью учредительной власти (*rouvoir constituant*) – суверенного народа, который в некий учредительный момент создает конституцию, и учрежденной власти (*rouvoir constitué*) – институтов, которые затем действуют в рамках этой конституции. Эта модель глубоко автономистична: она предполагает, что суверенный субъект (народ) может на время завершить свое творческое усилие и делегировать власть институтам.

Пантономическая перспектива оспаривает эту модель как фикцию. Она утверждает, что учредительная власть никогда не прекращается, она является перманентным процессом, рассредоточенным по бесчисленным сборкам, а не сосредоточенным в едином теле народа. Политическое в пантономическом ключе – это не арена для предварительно сформированных субъектов с ясными интересами, а поле постоянного, часто конфликтного, со-творчества правил совместной жизни.

Этот процесс далек от гармонии. Алгоритмы платформ социальных сетей, будучи нечеловеческими акторами, активно участвуют в учредительной власти, формируя новую публичную сферу, определяя, что является видимым, а что – маргинальным, и тем самым переписывая номос публичной дискуссии. Климатический кризис, как гиперобъект, принудительно заставляет государства, корпорации и граждан участвовать в создании нового, еще не оформленного экологического права. Даже пандемия вируса выступает как мощный актор учредительной власти, инициирующий глобальный пересмотр режимов мобильности, биополитики и общественного здоровья.

Таким образом, политическая теория, основанная на пантономии, смещает фокус с легитимности (соответствия действий предустановленным правилам) на учредительство (процесс создания самих этих правил). Вопрос заключается не только в том, справедливо ли применяется закон, но и в том, какие сборки и какие нечеловеческие акторы участвуют в его непрерывном создании и трансформации. Демократия в этой парадигме – это не просто система представительства, а экология практик, обеспечивающих широкое и инклюзивное участие в процессе перманентной пантономизации.

Этическое измерение: ответственность как отзывчивость в сети взаимозависимостей. Если онтология пантономии описывает, как мы устроены в мире, а политика – как мы учреждаем правила сов-

местной жизни, то этика пантономии отвечает на вопрос: как нам следует жить в таком сплетенном мире? Классические этические системы, от кантовского деонтологизма до утилитаризма, исходят из модели автономного морального агента, принимающего решения на основе универсальных принципов или расчета последствий.

Пантономическая этика начинается с иного основания: с признания нашей радикальной укорененности и со-причастности. Ответственность здесь проистекает не из абстрактного долга или договора, а из самого факта нашего со-участия в создании сетей взаимозависимости, которые порождают как возможности, так и уязвимости. Мы всегда уже в ответе, потому что мы всегда уже вовлечены. Употребляя выражение «абстрактный долг», мы имеем в виду не внутреннюю структуру кантовской этики (где долг конкретен и следует из всеобщего закона), а ту рутинную, формализованную трактовку моральных принципов, которая часто встречается в социально-политических дискурсах модерна, сводя ответственность к следованию внешнему правилу. Пантономическая этика, напротив, настаивает на конкретности и ситуативности ответственности, которая всегда ответственна перед кем-то и за что-то конкретное в рамках живой, материальной сети взаимозависимости.

Ключевой добродетелью в этой этике становится отзывчивость (*response-ability*, *ответ-ственность*) – не просто способность отвечать, но и способность слышать запрос, улавливать сигналы, идущие от Другого. И существенный момент: этим Другим является не только другой человек (как в левиновской этике [8]), но и любое иное в нашей сборке: экосистема, будущее поколение, искусственный интеллект, животное, даже «молчаливый» материальный объект, чье сопротивление нашим проектам мы должны учитывать.

Предлагаемое понятие ответственности (*response-ability*) не отменяет классические этические категории выбора, долга и свободной воли, но стремится описать их условие возможности в мире радикальной взаимозависимости. Классическая ответственность предполагает субъекта, который выбирает. Пантономическая ответственность спрашивает о том, как конституируется сам этот субъект выбора в сетях взаимоотношений с человеческими и нечеловеческими Другими. Таким образом, это попытка этически осмыслить не результат выбора, а его предпосылку и контекст, которые в современном мире оказываются распределенными, гибридными и нелинейными. Отзывчивость здесь – это не психологическая добавка, а онтологическая и этическая установка, позволяющая «услышать» эти сложные контексты и признать в них со-авторов своей агентности.

Следовательно, пантономическая ответственность не отменяет момент личного решения и волевого усилия, но помещает их в радикально иной контекст. Если классическая этика спрашивает: «Как мне, автономному субъекту, следует поступить?», то пантономическая этика ставит предварительный вопрос: «В со-творении каких связей я уже участвую и как мой предполагаемый «выбор» встроен в эти сети?». Это смещение акцента с точки принятия решения на поле его обусловленности не снимает ответственность, а, напротив, усложняет и распределяет ее, делая видимыми тех многочисленных Других (человеческих и нечеловеческих), которые незримо присутствуют в каждом акте выбора современного человека – от потребительской покупки до политического голосования.

Эта этика является не-универсалистской и ситуативной. Она не дает готовых ответов, но требует от нас постоянной работы по «прощупыванию» (*tentacular thinking*, щупальцевое мышление, по Донне Харауэй [21]) тех связей, в которые мы вплетены. Например, этика потребления в пантономическом ключе – это не просто вопрос личного выбора (автономия) или следования предписаниям (гетерономия). Это сложная практика отслеживания последствий своего выбора вдоль всей глобальной цепочки поставок, признания своей связи с рабочими на другом конце света, с экосистемами, страдающими от загрязнения, и с климатической системой в целом. Это этика осторожности и заботы о хрупких связях, которые мы постоянно воспроизводим и трансформируем своими действиями. Таким образом, пантономическая ответственность – это не бремя вины, а практика внимательного и ответственного со-творчества мира, признающая, что мое действие – это всегда лишь один из голосов в огромном, непрерывно звучащем хоре.

От аутопойэзиса к пантономии: диалектика замыкания и открытости

Концепция аутопойэзиса, разработанная Умберто Матураной и Франсиско Варелой [26], представляет собой краеугольный камень в построении современной теории пантономии. Однако для этого требуется не простое заимствование, а серьезная теоретическая работа по ее переосмыслению и диалектическому снятию. Аутопойэзис описывает логику самоподдержания живых систем, тогда как пантономия – логику их совместного становления в сплетенной реальности. Проследим этот переход.

Исходный пункт: революция аутопойэзиса. Матурана и Варела определили живые системы как аутопойэтические единства – системы, которые постоянно воспроизводят самих себя и свою организацию. Ключевым здесь является операциональное замыкание:

система замкнута на саму себя в плане организации, она сама определяет свои границы и поддерживает их через внутренние процессы. Нервная система, например, operates в режиме операциональной замкнутости, взаимодействуя не с окружающей средой «как она есть», а со своими собственными состояниями, которые изменяются под воздействием внешних раздражителей. Это был мощный вызов кибернетическим моделям «ввода-вывода», утверждавший радикальную само-референциальность и автономию живого.

Аутопойэзис и когнитивная автономия. Из этой биологической концепции выросла радикальная теория познания. Познание было переопределено не как репрезентация внешнего мира, а как эффективное действие в нем, направляемое внутренней организацией системы. «Все сказанное сказано наблюдателем», – провозгласил Матурана, подчеркивая, что мы никогда не имеем доступа к объективной реальности, а всегда имеем дело лишь с нашими собственными, аутопойэтически сконструированными доменами (областями). Это – апофеоз определенного понимания автономии: система как черный ящик, замкнутый на своих собственных процессах.

Проблема «слепого пятна» аутопойэзиса: солипсизм системы. Однако именно здесь возникает главное ограничение. Строгий аутопойэзис оставляет без ответа вопрос о том, как именно эти замкнутые системы формируют устойчивый, разделяемый мир. Если каждый организм живет в своей собственной когнитивной вселенной, как возможна коммуникация, не говоря уже о совместном творчестве правил? Аутопойэзис прекрасно описывает условие возможности индивидуального, но сталкивается с трудностями при объяснении условия возможности общего. Он рискует скатиться в биологический солипсизм, где любое взаимодействие со средой является лишь «возмущением», интерпретируемым исключительно согласно внутренним правилам системы.

Структурное сцепление: первый шаг за пределы. Концепция структурного сцепления была попыткой Матураны и Варелы решить эту проблему. Она описывает исторически складывающиеся, взаимно согласованные паттерны взаимодействия между аутопойэтической системой и ее нишей. Два организма могут быть структурно сцеплены, ко-эволюционируя и формируя общие паттерны (как цветок и опылитель). Это уже шаг к пантономии, поскольку признается, что «номос» взаимодействия не принадлежит исключительно одной системе, а является продуктом их совместной истории. Однако акцент по-прежнему остается на двух отдельных, замкнутых системах, которые лишь внешним образом «сцеплены». Их взаимность ограничена.

Радикализация сцепления: от взаимодействия

к со-конституированию. Пантономическая теория делает следующий, решающий шаг. Она утверждает, что в социальных, семиотических и экологических системах мы имеем дело не просто со структурным сцеплением предсуществующих систем, а с взаимным конституированием систем через само их взаимодействие. Границы, идентичность и внутренние правила системы не предзаданы, а постоянно переопределяются (ре-негация, если употребить англицизм) в процессе ее вовлеченности в более широкие сборки. Аутопойэтическое замыкание не отменяется, но становится реляционным и процессуальным. Система «замыкается» не на самой себе в вакууме, а на паттернах отношений, которые она сама же и воспроизводит вместе с другими.

Пантономия как аутопойэзис сборки. Здесь мы и приходим к ключевому переопределению. Если аутопойэзис – это самовоспроизводство единства, то пантономия – это самовоспроизводство связи. Это аутопойэтический процесс, но разворачивающийся не на уровне индивидуального организма, а на уровне сборки (*assemblage*), в которую этот организм входит. Сборка (например, ученый-лаборатория-прибор-исследуемый объект) сама обладает аутопойэтическими чертами: она стремится к самоподдержанию, воспроизводя те практики, коммуникации и материальные потоки, которые ее определяют. Номос такой сборки – ее внутренние правила игры – и является объектом ее постоянного воспроизводства. Это и есть процесс пантономизации.

Энактизация как пантономическая практика. Теория энактивизма, развитая Варелой, также получает новое прочтение. Если энактивизм утверждает, что познание есть воплощенное действие, которое творит мир, то пантономия добавляет: это действие никогда не является сольным. Оно всегда со-действие. Мы «вызываем мир к жизни» не в одиночку, а совместно с другими акторами, как человеческими, так и не-человеческими. Мир, который мы «эн-активируем» (вызываем к жизни), – это всегда общий мир, со-творяемый в пантономических практиках. Язык, культура, социальные институты – все это суть пантономические структуры, одновременно и продукты, и условия нашего совместного энактивизма.

Преодоление биологизма: пантономия в социальном. Переноса логику аутопойэзиса на социальный уровень, Никлас Луман [27] столкнулся с той же проблемой: как коммуницируют замкнутые аутопойэтические системы (подсистемы общества)? Его ответ – через структурное сцепление. Пантономия предлагает более радикальный ответ: социальные системы являются пантономическими по своей сути. Они не просто коммуницируют; они со-творяют друг друга в самой

коммуникации. Экономическая система и система права не просто «сцеплены»; они взаимопроникают и конституируют друг друга: экономические отношения требуют легализации, а правовые нормы порождают экономические последствия. Их номос творится совместно. Это переосмысление находит отклик и в критической рецепции Лумана в отечественной социальной теории. Так, отмечается, что аутопойэзис социальных систем, при всей своей эвристичности, рискует стать самооправданием их операциональной замкнутости и утраты номративного измерения [17]. Концепция пантономии, переопределяющая операциональное замыкание как открытость через со-конституирование, предлагает путь к преодолению этой критики. Она позволяет мыслить социальные системы не как самодостаточные монологи, а как участников постоянного диалогического процесса совместного творения правил, то есть как институты пантономии.

От операционального замыкания к операциональной открытости. Таким образом, пантономия не отрицает аутопойэзис, а переосмысляет его. Она заменяет идею операционального замыкания (*operational closure*) на идею операциональной открытости (*operational openness*), где «открытость» понимается не как пассивная восприимчивость, а как активное, конституирующее вовлечение в более широкие сети. Система поддерживает свою целостность не вопреки взаимодействию, а именно через него, через постоянное воспроизводство значимых связей, которые и определяют ее место в мире.

Синтез: пантономия как диалектическое снятие. Выражаясь в гегелевской терминологии, аутопойэзис представляет собой тезис – утверждение автономии и замкнутости. Критика аутопойэзиса и признание тотальной взаимозависимости представляет собой анти-тезис. Пантономия же выступает как синтез: она сохраняет момент самореференции и самовоспроизводства (аутопойэзис), но помещает его в контекст радикальной связанности. Мы не просто самовоспроизводимся автоматы; мы – узлы в сети, которая воспроизводит себя через нас, а мы воспроизводим себя через нее. Это и есть высшее выражение пантономии: закон (номос) моего существования творится всем (пан-) полем моих связей, и я, в свою очередь, участвую в творении номоса для этого поля. Аутопойэзис описывает, как система творит себя. Пантономия описывает, как системы совместно творят мир, который их творит.

Эвристический потенциал пантономии: примеры применения

Климатический кризис. Подход с позиций автономии видит проблему в том, что независимые государства не могут договориться. Подход с позиций

гетерономии – что мы все стали заложниками безличных систем (капитализма). В катастрофические времена [32] этого недостаточно. Пантономический подход фокусируется на том, как человеческие практики, технологии ископаемого топлива, углеродный цикл, научные модели и политические дискурсы совместно произвели гиперобъект «глобальное потепление». Решение, следовательно, видится не в заключении нового «общественного договора» (автономия) и не в ожидании диктата «природы» (гетерономия), а в пересборке самих пантономических связей: перепроектировании городов, изменении пищевых цепочек, создании новых технологий – то есть в со-творении нового номоса для антропоцена в смысле Брайдотти [1].

Цифровая среда. Пользователь цифровой платформы не автономен (его поведение формируется алгоритмами), но и не гетерономен (он активен, кликает, генерирует контент). Это пантономическая система. Алгоритм и пользователь взаимно обучают и конституируют друг друга, со-творяя новые социальные нормы, языки (мемы), формы внимания и публичности. Регулирование такой среды не может сводиться к защите автономии пользователя (например, приватности) или к внешнему контролю над платформой (гетерономия). Оно требует вмешательства в саму логику их со-бытия, проектирования интерфейсов и алгоритмов, которые бы поощряли пантономические сборки, производящие более справедливые и демократичные outcomes.

Биополитика и пандемия. Пандемия COVID-19 стала глобальным экспериментом в пантономии. Вирус, как нечеловеческий актер, принудительно пересобрал социальные связи. Но ответные меры – маски, локдауны, вакцины – не были чисто гетерономными. Они стали предметом ожесточенных публичных дебатов, индивидуальных и коллективных практик сопротивления и адаптации. Общественный иммунитет и новые правила социального дистанцирования стали результатом не приказа, а сложного, конфликтного процесса пантономизации, в котором

участвовали вирусологи, политики, журналисты, обычные граждане и сам вирус.

Заключение

Возрождение и переосмысление концепта пантономии представляется не просто академическим упражнением, а насущной теоретической необходимостью. Классическая оппозиция автономии и гетерономии, служившая столпом социально-политической мысли модерна, исчерпала себя, оказавшись неспособной описать реальность, характеризуемую распределенной агентностью, нелинейной причинностью и радикальной взаимозависимостью человеческого и нечеловеческого.

Пантономия, понимаемая как процесс совместного творчества правил бытия (номоса) между агентом и его сложносоставными обстоятельствами, предлагает более адекватную онтологическую рамку. Она позволяет переосмыслить природу агентности как отношения, а не свойства, поняв политическое как пространство непрерывного, распределенного учредительства, и на этом основании сформулировать принципы пантономической справедливости, основанной на отзывчивости и ответственности, проистекающей из со-участия.

Эвристический потенциал пантономии демонстрируется ее способностью продуктивно анализировать ключевые вызовы современности: от климатического кризиса и цифровизации до биополитики. Наконец, практическая разработка пантономических институтов требует междисциплинарного диалога не только с политической теорией, но и с отечественными исследованиями в области социологии управления, права и экологии, где уже накоплен значительный опыт анализа сложных, нелинейных систем [23]. Пантономия – это не просто концепт, это приглашение к пересборке нашего мышления для мира, который всегда был взаимосвязан, но только теперь мы начинаем осознавать всю серьезность и плодотворность этого факта.

Литература

1. Брайдотти Р. Постчеловек / пер. с англ. Д. Хамис, под ред. В. Данилова. – М.: Издательство Института Гайдара, 2021. – 408 с.
2. Грищенко И. Г. Контраверсы психосферы: пантономия против дегуманизации // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2015. – № 3(8). – С. 66–71. – EDN: VAUECR.
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Я. И. Свицкого; науч. ред. В. Ю. Кузнецов. – Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. – 895 с.
4. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. – М.: Ad Marginem, 2000. – 511 с.
5. Каллон М. Некоторые элементы социологии перевода: одомашнивание морских гребешков и рыбаков залива Сен-Бриё // Социология власти. – 2015. – Т. 27, № 1. – С. 196–231. – EDN: TQASUV.
6. Кант И. Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? [1784] // И. Кант Собрание сочинений: в 8 т. – М.: Чоро, 1994. – Т. 8. – С. 29–37.

7. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 384 с.
8. Левинас Э. Тотальность и Бесконечное / пер. с фр. И. С. Вдовиной. – М.; СПб.: Издательство Института Гайдара; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2019. – 464 с.
9. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой; под ред. С. Гавриленко. – М.: Изд-во ин-та Гайдара, 2015. – 344 с.
10. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности / пер. с фр. Д. Кралечкина. – Екатеринбург; М.: Кабинетный ученый, 2015. – 188 с.
11. Мортон Т. Гиперобъекты: Философия и экология после конца мира / Пер. с англ. В. Абраменко. – Пермь: Hyle Press, 2019. – 284 с.
12. Ноэ А. Всё переплетено. Как искусство и философия делают нас такими, какие мы есть. – М.: АСТ, 2024. – 320 с.
13. Ортега-и-Гассет Х. «Я – это я и мои обстоятельства» (Введение к «Размышлениям о Дон Кихоте») [1914] // Х. Ортега-и-Гассет Этюды об Испании. – К.: Символ, 1994. – С. 64–75.
14. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? Лекция V [1929] // Х. Ортега-и-Гассет Что такое философия? – М.: Наука, 1991. – С. 95–108.
15. Ролз Дж. Теория справедливости / пер. с англ. В. В. Целищева; под ред. В. В. Целищева. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. – 535 с.
16. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Ж.-Ж. Руссо Об общественном договоре. Трактаты / пер. с фр. А. Д. Хаютина, В. С. Алексеева-Попова. – М.: КАНОН-пресс, 1998. – С. 195–322.
17. Филиппов А. Ф. Теория систем: аутопойесис продолжается // Социологическое обозрение. – 2003. – Т. 3, № 1. – С. 50–58. – EDN: TBRNUL.
18. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности / пер. с фр. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996. – 448 с.
19. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. – М.: Ad Marginem, 1999. – 480 с.
20. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Пер. с нем. С. В. Шачин, под ред. Д. В. Складнева. Послесл. Б. В. Марков. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
21. Харауэй Д. Оставаясь со смутой: заводить сородичей в хтулucene / пер. с англ. Александр Писарев; Диана Хамис; Полина Ханова. – Пермь: Hyle Press, 2020. – 340 с.
22. Харман Г. Спекулятивный реализм: введение / пер. с англ. А. А. Писарева. – М.: РИПОЛ классик, 2020. – 290 с.
23. Яницкий О. Н. Глобализация и гибридизация: к новому социальному порядку // Социологические исследования. – 2019. – № 8. – С. 8–18. – <https://doi.org/10.31857/S013216250006132-8>. – EDN: ECUJBY.
24. Álvarez J. M. D., Brioso J. (2023) The Philosopher and His Philosophies. Ortega, Husserlian Phenomenology and Beyond. *HORIZON. Studies in phenomenology*. – Vol. 12. – No. 2, pp. 285–301. – <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2023-12-2-285-301>. – EDN: UJITAR. (In Eng.).
25. Barad K. (2007) Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. – Durham: Duke University Press. – 544 p. (In Eng.).
26. Derrida J. (1994) Force de loi: le « fondement mystique de l'autorité ». Paris: Galilée, 145 p. (In Fr.).
27. Luhmann N. (1995) Social Systems / trans. by J. Bednarz, Jr., with D. Baecker. – Stanford: Stanford University Press, 627 p. (In Eng.).
28. Maturana H. R., Varela F. J. (1980) Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. – Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. – 141 p. – (Boston Studies in the Philosophy of Science; vol. 42). (In Eng.).
29. Mouffe Ch. (2005) On the Political. – L.; N.Y.: Routledge, 144 p. (In Eng.).
30. Noë A. (2009) Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. – N.Y.: Hill and Wang. – 214 p. (In Eng.).
31. Otabe T. (2025) A Dao-centric or Nature-centric Perspective on Human Environment: A Contribution from Modern Japanese Aesthetics. *Comparative and Continental Philosophy*, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1080/17570638.2025.2566849>. (In Eng.).
32. Stengers I. (2015) In Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism. – Lüneburg: meson press, 180 p. (In Eng.).

References

1. Braidotti, R. (2021) *Postchelovek* [Posthuman]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 408 p. (In Russ., transl. from Eng.).
2. Grishchenyuk, I. G. (2015) [Contraverses of the Psychosphere: Pantonomy versus Dehumanization]. *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities]. Vol. 3 (8), pp. 66–71. (In Russ.).
3. Deleuze, J., Guattari, F. (2010) *Tysyacha plato: Kapitalizm i shizofreniya* [A Thousand Plateaus: Capitalism and Schizophrenia]. Yekaterinburg: U-Factoria; M.: Astrel, 895 p. (In Russ., transl. from French).
4. Derrida, J. (2000) *O grammatologii* [On Grammatology]. M.: Ad Marginem, 511 p. (In Russ., transl. from French).
5. Callon, M. (2015) [Some Elements of the Sociology of Translation: The Domestication of Scallops and the Fishermen of Saint-Brieuc Bay]. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 27. No. 1, pp. 196–231. (In Russ.).
6. Kant, I. (1994) [Answer to the Question: What is Enlightenment] [1784]. *Otvety na vopros: Chto takoye Prosveshcheniye? [1784]* [I. Kant Collected Works: in 8 volumes]. M.: Choro. Vol. 8, pp. 29–37. (In Russ.).
7. Latour, B. (2014) *Peresborka sotsial'nogo: vvedeniye v aktorno-setevuyu teoriyu* [Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network Theory]. Moscow: Higher School of Economics Publishing House, 384 p.
8. Levinas, E. (2019) [Totality and the Infinite]. Moscow; St. Petersburg: Gaidar Institute Publishing House; Faculty of Liberal Arts and Sciences, St. Petersburg State University, 464 p. (In Russ., transl. from French).
9. Lo, J. (2015) *Posle metoda: besporyadok i sotsial'naya nauka* [After Method: Disorder and Social Science]. Moscow: Gaidar Institute Publishing House, 344 p. (In Russ., transl. from Eng.).
10. Meillassoux, K. (2015) *Posle konechnosti: Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay on the Necessity of Contingency]. Yekaterinburg; Moscow: Cabinet Scholar, 188 p. (In Russ., transl. from French).
11. Morton, T. (2019) *Giperob'yekty: Filosofiya i ekologiya posle kontsa mira* [Hyperobjects: Philosophy and Ecology after the End of the World]. Perm: Hyle Press, 284 p. (In Russ., transl. from Eng.).
12. Noé, A. (2024) *Vso perepleteno. Kak iskusstvo i filosofiya delayut nas takimi, kakiye my yest* [Everything Intertwined. How Art and Philosophy Make Us Who We Are]. Moscow: AST, 320 p.
13. Ortega, y Gasset H. (1994) [«I Am I and My Circumstances» (Introduction to «Meditations on Don Quixote») [1914]]. *KH. Ortega-i-Gasset Etyudy ob Ispanii* [H. Ortega y Gasset Studies on Spain]. K.: Symbol, pp. 64–75. (In Russ.).
14. Ortega, y Gasset H. (1991) [What is Philosophy? Lecture V [1929]]. *KH. Ortega-i-Gasset Chto takoye filosofiya?* [H. Ortega y Gasset What is Philosophy?]. M.: Science, pp. 95–108. (In Russ.).
15. Rawls, J. (1995) *Teoriya spravedlivosti* [Theory of Justice]. Novosibirsk: Publishing house of Novosibirsk University, 535 p. (In Russ., transl. from Eng.).
16. Rousseau, J.-J. (1998) [On the Social Contract, or Principles of Political Right]. *Zh.-Zh. Russo Ob obshchestvennom dogovore. Traktaty* [J.-J. Rousseau On the Social Contract. Treatises]. M.: KANON-press, pp. 195–322. (In Russ., transl. from French).
17. Filippov, A. F. (2003) [Systems Theory: Autopoiesis Continues]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [Sociological Review]. Vol. 3. No. 1, pp. 50–58. (In Russ.).
18. Foucault, M. (1996) *Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality]. M.: Kastal, 448 p. (In Russ., transl. from French).
19. Foucault, M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'*. *Rozhdeniye tyur'my* [Discipline and Punish. The Birth of the Prison]. M.: Ad Marginem, 480 p. (In Russ., transl. from French).
20. Habermas, J. (2000) *Moral'noye soznaniye i kommunikativnoye deystviye* [Moral Consciousness and Communicative Action]. St. Petersburg: Science, 380 p. (In Russ., transl. from German).
21. Haraway, D. (2020) *Ostavayas' so smutoy: zavodit' sorodichey v khtulutsene* [Staying with the Turmoil: Making Kindred in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press, 340 p. (In Russ., transl. from Eng.).
22. Harman, G. (2020) *Spekulyativnyy realizm: vvedeniye* [Speculative Realism: Introduction]. Moscow: RIPOL classic, 290 p. (In Russ., transl. from Eng.).
23. Yanitsky, O. N. (2019) [Globalization and hybridization: towards a new social order]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies]. Vol. 8, pp. 8–18. – <https://doi.org/10.31857/S013216250006132-8>. (In Russ.).
24. Álvarez, J. M. D., Brioso, J. (2023) The Philosopher and His Philosophies. Ortega, Husserlian Phenomenology and Beyond. *HORIZON. Studies in phenomenology*. Vol. 12. No. 2, pp. 285–301. – <https://doi.org/10.21638/2226-5260-2023-12-2-285-301>. (In Eng.).

25. Barad, K. (2007) Meeting the Universe Halfway: Quantum Physics and the Entanglement of Matter and Meaning. *Durham: Duke University Press*, 544 p. (In Eng.).
26. Derrida, J. (1994) Force de loi : le « fondement mystique de l'autorité ». *Paris: Galilée*, 145 p. (In Fr.).
27. Luhmann, N. (1995) Social Systems. *Stanford: Stanford University Press*, 627 p. (In Eng.).
28. Maturana, H. R., Varela, F. J. (1980) Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht: D. Reidel Publishing Company. *Boston Studies in the Philosophy of Science*. Vol. 42, 141 p. (In Eng.).
29. Mouffe, Ch. (2005) On the Political. L. ; N.Y. : *Routledge*, 144 p. (In Eng.).
30. Ноё, А. (2009) Out of Our Heads: Why You Are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Consciousness. *N.Y. : Hill and Wang*, 214 p. (In Eng.).
31. Otabe, T. (2025) A Dao-centric or Nature-centric Perspective on Human Environment: A Contribution from Modern Japanese Aesthetics. *Comparative and Continental Philosophy*, pp. 1–8. – <https://doi.org/10.1080/17570638.2025.2566849>. (In Eng.).
32. Stengers, I. (2015) In Catastrophic Times: Resisting the Coming Barbarism. *Lüneburg: meson press*, 180 p. (In Eng.).

Информация об авторах:

Александр Викторович Марков, доктор филологических наук, профессор кафедры кино и современного искусства, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

e-mail: markovius@gmail.com

Оксана Александровна Штайн, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

ORCID ID: 0009-0004-1701-3147

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Вклад соавторов:

Авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 21.11.2025; принята в печать: 30.03.2026.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Alexander Viktorovich Markov, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0001-6874-1073

e-mail: markovius@gmail.com

Oksana Aleksandrovna Shtayn, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

ORCID ID: 0009-0004-1701-3147

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com

Contribution of the authors:

The authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare no conflict of interest.

The paper was submitted: 21.11.2025.

Accepted for publication: 30.03.2026.

The authors have read and approved the final manuscript.